

Ирма Ивановна Муллонен

доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор,
ведущий научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет
(620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51); главный научный сотрудник сектора
языкознания, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
(185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11)
E-mail: irma.mullonen@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5279-4880>

КАРЕЛЬСКИЙ СЛЕД В ТОПОНИМИИ ПОМОРСКОГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ

Аннотация

В публикации излагаются некоторые результаты сбора и обработки топонимических материалов экспедиции 2023 г. на Поморский берег Белого моря. Карельская топонимия присутствует здесь в виде субстрата. Составляя в целом около 10 % (примерно 300 названий) от общего числа топонимов, она тем не менее производит впечатление существенно более весомого пласта — в силу того, что, во-первых, номинирует значимые объекты на территории, а во-вторых, благодаря массе географических терминов, воспринятых из карельских говоров и ставших фактом местной русской поморской речи. Выявлена определенная дистрибуция в бытовании терминов (*кóрга*, *индола*, *сэльга*), позволившая констатировать специфику самой южной окраины Поморья, тяготеющей к Выгозерью, — с. Нюхча. Представлены некоторые пути постепенного размывания карельского слоя в топонимии и способы переработки исходных карельских оригиналов, которые обычно остаются вне поля зрения исследователей взаимодействия топонимов в силу сложности их выявления. Среди них народноэтимологическое сближение топонима со знакомым русским словом, сопровождающееся некоторой перестройкой звуковой стороны (оз. *Гáрье* > оз. *Гагáрье*). Это одна из разновидностей так называемой прямой адаптации. Наследие другой адаптационной модели — калькирования или перевода — просматривается в сосуществовании в одном микроареале пары (иногда группы) топонимов, из которых один сохранил исходную карельскую топооснову, а другой может быть результатом ее перевода. Такая ситуация имеет значительный потенциал для этимологии. В тексте предложено несколько таких связей, в том числе название о-ва *Тумице* и р. *Кетьмукса*, впадающей в море в районе острова. Их совместная интерпретация позволила реконструировать утраченный русский термин **тумице* (< слав. **(s)tum-*) 'убежище, укромное место, где можно спрятаться, переждать непогоду'. Этимология поддерживается потамонимом *Кетьмукса*, в котором воплотилось приб.-фин. *kätke-* или саам. *giet'k'ät* 'прятать, скрывать'.

Ключевые слова: Поморье; топонимия; карельский язык; русские поморские говоры; калькирование; субстрат; этимология

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

Для цитирования

Муллерен И. И. Карельский след в топонимии Поморского берега Белого моря // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 2. С. 231–247. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.024

Рукопись поступила в редакцию 04.03.2024

Рукопись принята к печати 15.05.2024

Irma Ivanovna MULLONEN

DrHab, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Leading Research Fellow, Toponymic Laboratory, Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia); Chief Research Fellow, Department of Linguistics of the Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS (11, Pushkinskaya Str., 185910 Petrozavodsk, Russia)
E-mail: irma.mullonen@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5279-4880>

KARELIAN HERITAGE IN THE TOPONYMY OF THE POMOR COAST OF THE WHITE SEA

Abstract

This publication presents findings from the collection and analysis of toponymic materials gathered during the 2023 expedition to the Pomor Coast of the White Sea. Karelian toponyms are featured here as a substrate element. Although they comprise only about 10% (approximately 300 names) of the total number of toponyms, they give the impression of a more substantial presence. This is primarily because they denote some of the most significant landmarks in the area, and also due to the prevalence of geographical terms in the local Pomor language derived from Karelian dialects. The specific distribution of terms such as *kórga*, *índola*, and *sélga* highlights the distinctive characteristics of the southern edge of the Pomor Coast, particularly the rural locality of Nyukhcha, which is connected to the Vygozero region. The study also discusses the gradual erosion of the Karelian layer in toponymy and the processes involved in adapting the original Karelian place names, which are often overlooked by researchers due to the difficulty in identifying them. One such process is folk etymological convergence, where a toponym is assimilated to a familiar Russian word, often with some phonetic changes (e.g., *Gárye* Lake > *Gagárye* Lake). This is a type of direct adaptation. Another adaptation pattern, calque or translation, is evident in the coexistence of pairs (or groups) of toponyms within a single micro-area, where one retains the original Karelian form, while the other is a translated version. This scenario has significant potential for etymological study. The paper suggests several such connections, including the name of *Túmishche* Island and the *Kétmuksa* River, which flows into the White sea near the island. Their joint analysis allowed the author to reconstruct the lost Russian term **tumishche* (< Slavic **(s)tum-*), meaning ‘shelter, a secluded place where one can hide or wait out bad weather’. This etymology is further supported

by the river name *Ketmuksa*, which embodies the Balto-Fennic *kätke-* or Sami *giet'k'ät*, both meaning 'hide, conceal'.

Keywords: Pomorye; toponymy; Karelian language; Pomor dialects; calques; substrate; etymology

Acknowledgements

The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of European Russia*, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>

For citation

Mullonen, I. I. (2024). Karelian Heritage in the Toponymy of the Pomor Coast of the White Sea. *Voprosy onomastiki*, 21(2), 231–247. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.2.024

Received on 4 March 2024

Accepted on 15 May 2024

Западный берег Белого моря делится на Карельский и Поморский — соответственно к северу и к югу от Кеми. Исторически оба берега входили в зону интересов карелов, которые, как считается, с XIII в. продвигались в Поморье из Северо-Западного Приладожья — коренной территории карельского этноса — и ассимилировали родственное в языковом плане местное саамское население. В XV — начале XVI в. в ходе активной новгородской колонизации здесь складывались карело-русские береговые общины, за которыми в документах с середины XVI в. закрепляется этноним *поморцы*, свидетельствующий, очевидно, о самоидентификации местного населения. Видимо, этому способствовало и включение прибрежных поморских сел в особый административный округ Соловецкого монастыря [Жуков 2003: 88–89]. Приток карелов продолжался и в последующие века, например в XVII в., когда происходил массовый исход карелов из Приладожья, оказавшегося в составе Шведского королевства. Уже в новое время, на рубеже XIX–XX вв., в связи с экономическими реформами конца XIX — начала XX в. и строительством Мурманской железной дороги карельское население движется из территориально смежных материковых карельских волостей (Кестеньгская, Олангская, Вычетайбольская) на северную часть побережья, которая именно после этого становится Карельским берегом. На Поморском же берегу в это время появилось только два новых поселения карельских выходцев — д. Сальнаволок у Беломорска и д. Юково (или Юкково) у Сумского Посада.

Карельский топонимический субстрат на Поморском берегу

На Поморском берегу, где работала наша экспедиция, нет «живой» карельской топонимии, она бытует здесь в виде субстрата.

В целом топонимы с карельскими истоками здесь не столь уж многочисленны, доля их не превышает 10 % от общего числа топонимов Поморского берега (т. е. около 300 названий), однако они «на виду», поскольку это названия относительно крупных и значимых объектов. Наиболее широко они представлены в лимнонимах (именованиях озер), также убедительны в названиях островов. Показательно, к примеру, что практически все относительно крупные прибрежные острова носят нерусские названия (*Лáмбостров, Ку́зостров, Ва́рбостров, Су́мостров, Мя́гостров, Ма́никостров* и др.). Они заметны в именовании других природных объектов (речные пороги, морское побережье, возвышенности). Доля их незначительно варьирует от поселения к поселению. Наиболее заметна «карельскость» в топонимии с. Нюхча.

Научные экспедиции по сбору топонимии организовывались Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН в разные годы, поэтому экспедиционный сбор 2023 г. был повторным и решал главным образом задачи сверки, уточнения языкового облика топонимов и их картографической привязки, а также выявления дополнительной информации о самих названных местах. При этом был, конечно, записан и новый полевой материал.

Общая характеристика облика карельской по своим истокам топонимии Западного Поморья известна по исследованиям, особенно по основательной публикации [Кузьмин 2016]. Наши экспедиционные сборы подтвердили выводы о многочисленности полукалек, которые служат убедительным маркером субстрата и русско-карельского двуязычия. На Поморском берегу они составляют более 70 % всех субстратных топонимов и включают максимально широкий набор детерминантов-ландшафтных терминов: *Кужлудá, Кóрехóстров, Шíвручéй, Ладгубá, Пíлосóзеро, Пíхпорóг, Витплéсо, Кóдолáмба, Вóзорна́волок, Ва́лдогорá, Вíльмоболóто, Ку́номох, Ку́менкáмень*. Топонимы, усвоенные через прямую адаптацию, значительно уступают им количественно. Это простые по структуре названия, в основе которых лежит, как правило, карельский термин природного или культурного ландшафта, что полностью соответствует типологически карельским структурно простым топонимам: пор. *Нíлакса* (Нюхча): ск. *niloš* (с основой *nulokse-*) ‘скала, по поверхности которой струится вода’ [СКНГТ: 132–133]; пор. *Пу́рга* (Лапино): ск. *purha* ‘порог с сильным течением’ [Там же: 24–25]; г. *Сю́рьяга* (Нюхча): ск. *surjä* ‘возвышенность вытянутой формы; небольшая горка, бугор’ [Там же: 208]; поле *Сóрда* (Нюхча): ск. *sordo* ‘огороженное (лесное) пастбище, выгон; изгородь из валежника или поваленных деревьев’ [Там же: 204]; д. *Ва́лгамá* (Лапино): ск. *valgato* ‘причал, пристань’ [Там же: 232] и др. Прямое усвоение нередко сопровождается суффиксацией. Из суффиксов наиболее востребован формант *-Вишка*: зал. *Кáбрушка* (Лапино): ск. **kabru* (как основа

производных *kauroma*, *kauruma* < **kapru* + *-ma*) ‘загубина; небольшой речной или озерный залив’¹; луда *Куйкушка* (Ендугуба): *kuikka* ‘гагара’; пок. *Салошка* (Нюхча): *salo* ‘лесная глушь’; пор. *Кириёшка* или *Кирьёшка* (Лапино): *kireä* ‘о быстром течении в реке’, а также требующие специальных этимологических изысканий названия: о-в *Ракушка* (Нюхча), пок. *Холтышка* (Вирма).

Общий карельский облик топонимии формируется в значительной степени благодаря массе географических терминов, воспринятых из карельских говоров и ставших фактом местной русской поморской речи. Большая часть из них известна на всем Поморском берегу и, соответственно, в его топонимии: *нудас*, *сáлма*, *лúда*, *тáйбола*, *рáда*, *сéльга*, *сёрьга*, *лáхта*, *кóрга*, *лáмба*, *кáрежка*². Собственно поморскими среди них являются *нудас* ‘рукав реки’ < карел. *puvas* (сильная основа *putaha-*, *puhaha-* < **putasa-*) ‘рукав реки, протока’ и *индола* ‘топкое место на болоте’ с неясными этимологическими истоками, зафиксированное на южной окраине Поморского берега — в с. Нюхча. Оба продуктивны в топонимии. Первый бытует преимущественно в топонимии окрестностей г. Беломорск, где именует многочисленные протоки устья р. Выг (*Глухой Пудас*, *Сторожевой Пудас*, *Большой Пудас* и др.). Второй фиксируется только в названиях болотистых мест в топонимии с. Нюхча (*Сивозёрская Индола*, *Чёрная Индола*, *Дьячкова Индола* и др.), ареально связанного с Выгозерьем, где термин *индола* тоже зафиксирован [СГРС 4: 335; РДЭС: 210]. Связь Нюхчи с названным регионом проявляется и в бытовании термина *кóрга*, который именно здесь используется прежде всего в значении ‘каменистый мыс’, в то время как в других говорах Поморского берега *кóрга* — это, как правило, ‘каменистая отмель (подводная и надводная); небольшой островок’. Иначе говоря, два предыдущих примера (*индола* и *кóрга*) — это свидетельство «сепаратных» связей Нюхчи с Выгозером. Собственно, историческим подтверждением их служит, видимо, и известный транзитный путь — так называемая Осударева дорога, проложенная по указанию Петра Первого в начале XVIII в. от Нюхчи на Белом море через Выгозеро и далее до Повенца на Онежском озере. Даже если признать гипотетичность этого исторического казуса (далеко не все историки считают, что такой факт имел место), существование самого пути (точнее, даже нескольких вариантов этого пути) из Нюхчи на Выгозеро не раз подтверждали наши информанты — охотники и рыбаки на Выгозере.

Очевидно, специфика Нюхчи и ее связей подтверждается и особой позицией термина *сéльга* ‘возвышенность’, широко бытующего в олонецких

¹Если нет ссылки, значения карельских лексем приводятся по академическому словарю карельского языка [KKS].

²Значения терминов см. в [Мызников 2021].

говорах [СРНГ 37: 136–137], где он имеет прибалтийско-финские истоки (карел. *selkä, selgä*). Похоже на то, что для Поморья он явно маргинален. Показательно, что в словаре Дурова он не приводится вовсе, а у С. А. Мызникова с Поморского берега приведен всего лишь один невнятный пример, из которого неясно, идет ли речь о термине или о топониме: *Сельга около озер* (Сумский Посад) [Мызников 2021: 453]. При этом в [КТК] десять топонимов с основой *-сельга*, которые, за исключением г. *Сельга* (Колежма), оформлены структурно как полукальки: возв. *Касельга, Ёмбосельга, Рокшесельга* (Нюхча), *Кивисельга, Габосельга, Пбесельга, Масельга* (Сумозеро). Сам термин в апеллятивном бытовании не зафиксирован, но при этом хорошо известен в смежном Выгозерье: *сельга* ‘возвышенность, вытянутая по форме; лес на возвышенности’ [Там же]. В этом контексте топонимы с детерминантом *-сельга* могут рассматриваться в Нюхче как карельское наследие, общее с Выгозерьем. Почему термин *сельга* и «сележная» топонимия не получили распространения на основной территории Поморского берега? Возможно, причины следует искать в большей сельскохозяйственной направленности традиционной культуры южной окраины Поморского берега, где «сележные» ландшафты активно использовались при разработке подсек, так что и термин, и топонимы с ним были здесь актуальны. Севернее они были менее востребованы. Кажется, подтверждением служат «сележные» топонимы верховий р. Сума в районе Сумозерья, которое считалось аграрной территорией на фоне живущих морским промыслом низовий реки.

Ремотивация как модель интеграции иноязычного топонима

Общие механизмы адаптации прибалтийско-финской топонимии к русской топонимической системе в целом исследованы неплохо. Однако наряду с магистральными направлениями есть немало более частных, но от этого не менее важных аспектов контактирования. Полевой материал позволил проследить участие так называемой народной этимологии в формировании современного облика ряда исходных карельских топонимов. Выявлено несколько достаточно выразительных случаев, демонстрирующих, как переосмысливается топоним с учетом языкового сознания ремотиватора. Толчком к такому переосмыслению служит звуковая сторона топонима, сближающегося со знакомым русским словом. Рукав р. Выг *Муромский Пудас* (Выгостров) превращается в *Мурманский*. На исходную карельскую этимологию, восходящую к карел. *tuurain, tuuroin* (словоизменительная основа *tuuro(i)me-*) ‘морощка’, указывает то, что берега пудаса до сих пор известны как места сбора морощки.

В большинстве случаев «звуковой» механизм преобразования топонима подтверждается благодаря сосуществованию исходного и переоформленного вариантов названия. Оз. *Гагáрье* (Выгостров) известно также под названием оз. *Гáрье*. Оно расположено под горой Матигора и со стороны горы имеет высокий обрывистый берег, что дает основание связывать название с карельским ландшафтным термином *harja* ‘гора; вершина, гребень, хребет (горы)’ [СКНГТ: 38] и, соответственно, считать *Гагáрье* результатом переосмысления ставшего непонятным топонима.

Название залива Белого моря в районе Сумского Посада бытует в двух вариантах: *Вéхгуба* и *Вéрхгуба* (и далее *Верхняя губа*), из которых второй является поздней переработкой исходного *Вéхгуба*, включающего продуктивную карельскую топооснову *vehka-* ‘трифоль, вахта’. Очевидно, она закрепилась первоначально в именовании впадающего в губу ручья *Вéхручей*, а затем уже самой губы. На границе элементов сложного топонима произошла закономерная редукция последнего согласного его атрибутивной части.

Видимо, результатом переосмысления является и именование угодья *Рыбняки́*, бытующее наряду с *Рыбья́ки* (Нюхча). Для последнего находится по крайней мере один аналог — о-в *Рыбья́к* в оз. Тягозеро (Пудож.: Авдеево). Истоки не вполне ясны, хотя возможна связь с карел. *rapeikko* ‘грязное сырое место’ [СКНГТ: 178]. Она не противоречит реальной характеристике места.

Пара названий смежных объектов — мыс *Кусто́в На́волок* и о-в *Кузлу́да* (Нюхча) — помогает выйти на исходное для наволока именование **Кузна-волок* < карел. **Kuuz(i)niemi*, букв. «Еловый наволок». Правомерность такой реконструкции подтверждает и собранный в экспедиции 2023 г. вариант *Кустна́волок*, который укладывается структурно в ряд сложных топонимов-полукалек с карельскими оригиналами. Очевидно, на первом этапе адаптации на стыке элементов сложного топонима появился эпентетический согласный *-т-*, а в дальнейшем произошло переосмысление содержания названия («кустарник растет»). В *Кузлу́де* же в силу фонетической ситуации на стыке составных частей топонима сохранилось исходное состояние.

Список можно продолжить. При этом подобная ремотивация угадывается и за некоторыми топонимами, не имеющими исходного варианта, как в приведенных примерах. Мотивация названия сенокосного угодья *Верё́вки* на морском берегу (Вирма) вызывала у наших информантов затруднения. Высказывалось предположение, что где-то на этом берегу «крутили верёвки». Между тем топография местности дает основания для реконструкции в основе топонима карел. *vierukka* ‘покатый, имеющий уклон берег’ [СКНГТ: 238]. Каждому топонимисту-полевику известны такие одноразовые, окказиональные ремотивации, иногда возникающие спонтанно, иногда закрепленные локально

в рамках одного поселения или куста поселений. Не будучи, как правило, опосредованными представлениями о традиционной народной культуре, они малопригодны для выявления этнокультурной информации.

В этом смысле значительно более релевантны случаи топонимических преданий, в которых истоки названия осмысляются в контексте как реальных исторических, так и мифологических сюжетов. Показательный пример — название скалы *Неме́цкая Щелья* на речном мысу в с. Вирма, где стоит известная деревянная церковь Петра и Павла XVII в. По легенде, «прибыли сюда шведы (немцы), церковь сожгли, всё добро вывезли. Сели на корабль, причаленный к берегу, стали делить добычу. Бог возмутился, послал скалу, всех придавило. У одного только сапог остался снаружи» [КТК]. Топоним встраивается в целый ряд названий мест с основой *Немец-* в Поморье и Обонежье, которые народная традиция связывает с набегами шведов. Для появления легенды есть, очевидно, историческая подоплека в виде шведского разорения, однако осмысленная в канонах топонимического предания. Реальные основы номинации связаны с карельским географическим термином *niemi* или, скорее, его производным *niemes* ‘мыс’ (*Немецкая Щелья* — «скала на мысу»³).

Приведенные выше сюжеты показывают, как происходит размывание топонимического субстрата через возникновение новых мотивационных связей, втягивающих субстратный топоним в круг своих, исконных. На самом деле такой процесс, видимо, имел даже большее значение, чем нам сейчас представляется. Если бы не наличие параллельно бытующих вариантов, то практически невозможно было бы констатировать произошедшую переогласовку исходного карельского названия.

Поморские материалы предлагают и другой источник для реконструкции исходных топонимов — обращение к именованию территориально смежных объектов, которые сохранили в некоторых случаях примарную топооснову.

³ Разумеется, в Поморье тополексема *Немецкий*, особенно в паре с *Русский*, использовалась и как пространственный ориентир: *Неме́цкая (Шведская) сторона́* и *Ру́сская сторона́* — для выражения направления пути или ветра, а в именовании о-вов *Ру́сский Ку́зов* и *Неме́цкий Ку́зов* — для отражения удаленности от дома [Березович 2019: 180]. В *Немецкой Щелье*, как и в некоторых других «немецких» топонимах Поморья и Обонежья, основанием для возведения к карельскому ландшафтному термину служит привязка к мысам. В этом ряду не только неоднократно засвидетельствованные здесь *Неме́цкий мыс* или *Неме́цкий На́волок*, прямо указывающие на топографию места, но и, например, ур. *Неме́цкий Бор* на мысу между бол. Чирболото и оз. Чиркозеро в Заонежье, или место с названием *Неме́цкая Падь* на берегу р. Варзуга, где, по преданию в записи Д. М. Балашова, «Шли немцы, сорок человек; наши молились — и те сквозь землю прошли, исчезли, словом. Осталось сорок рукавиц. С одной руки» [Балашов 1970: 8]. Здесь известный фольклорный сюжет привязан к конкретному топониму — названию низинки (*падь* ‘низина, овраг’, зафиксированное в том числе на Белом море [СРНГ 25: 138]) рядом с мысом (карел. *niemes* ‘мыс’), образуемым крутым речным поворотом [КТК].

Ручей с названием *Пóткручей* или *Поткозёрский ручей* вытекает из оз. *Кривáя Лáмбина* (Лапино), позволяя восстановить прежнее именование озера в виде **Пóткозеро*. Важно, что реконструкция подтверждается и этимологически: озеро практически делится на две части узким длинным мысом, что дает основание возводить топоним к саам. *boat'ká* ‘сужение, узкий промежуток’, производному от глагола *boat'kit* ‘отделить, разделить, прервать’ [Álgu]. Другой пример того же рода и из той же местности — руч. *Сáрмаc(ручей)*, соединяющий два соседних озера с названием *Рогá* или *Рогáстые озёра* (Лапино). В именовании ручья угадывается модификация карел. *sarvas* ‘рог’. Во втором примере произошел перевод исходного карельского топонима; в первом появилось новое название, мотивированное, как и субстратное, приметной формой озера.

Здесь показаны некоторые пути постепенного размывания карельского слоя в топонимии Поморского берега. Полагаю, дальнейшие разыскания в этом направлении расширят как круг примеров, так и перечень способов переработки исходных карельских оригиналов.

Этимологический потенциал метонимических калек

В топонимической системе русские и субстратные по происхождению топонимы «живут» в близком соседстве. Нередки случаи пересечения двух систем, когда разноязычные в своих истоках топонимы отсылают к одному или смежным объектам. В основе во многих случаях лежит калькирование, приводившее к тому, что в ряду метонимических топонимов, т. е. именовании смежно расположенных объектов, образованных от одной топоосновы, одни адаптировались с сохранением исходной карельской топоосновы, а другие калькировались. Такие связки очень полезны для поисков и уточнения этимологических истоков топонимов. Отдельно отметим, что для выявления таких пар, а иногда и комплексов, исключительно важно при полевом сборе учитывать привязку топонима к местности. Наилучшим образом в наших экспедициях зарекомендовало себя использование топографических карт. В Поморье это тем более уместно: большинство наших информантов, жизнь которых связана с морем, прекрасно ориентируются по карте. Ниже несколько примеров таких топонимических связей.

Название самого нижнего порога р. Сума в Сумском Посаде — *Вёрхние Порóжки* — коррелирует с именованием руч. *Кóстручей*, впадающего в Суму как раз у порога. Эта топонимическая пара, как и расположение ручья, помогает установить истоки топонима, современный вариант которого возник на основе диссимилиации из исходного **Коскручей* (< карел. *koski* ‘порог’).

Более того, в одно гнездо входит и именование бол. *Гості́ный Мох*, из которого ручей берет начало. В нем произошло народноэтимологическое переосмысление субстратной топоосновы *Кост-* в *Гост-* («Так в гости, наверное, через болото ездили»).

Следующий пример — г. *Попók* и оз. *Кúкколáмбина* (с вариантами оз. *Кúкколово*, *Кúколамбина*) у д. Лапино. Местная традиция соотносит название горы с разделением населения на красных и белых в революцию 1917 г.: первые ушли на *Крáсную Гóрку* — возвышенность на южной окраине села, а вторые — на гору *Попók* на его северном конце. Здесь *Попók* явно соотносится с *попом* (священнослужителем) как представителем условно «белых». В реальности за топонимом как именованном самой высокой точки г. Мальягора действительно стоит лексема *non*, но не с прямой, а с метафорической семантикой, возникшей на основе признака конусообразной формы, вертикального расположения называемого объекта (типа новг. *но́пик* ‘стог, копна сена’) [Синица 2018]. Рус. *non* и его производные активно используются в номинации возвышающихся над окрестностью мест и, очевидно, перекликаются с образными топонимами типа *Пуп*, *Пупыш*, *Пупец*, обозначающими небольшие горы округлой формы [Березович 2010: 171]. Достоверность этой интерпретации подтверждается именованием расположенного под горой оз. *Кúкколово*, или *Кúкколáмбина*. В его названии очевиден карельский термин *kukkula* ‘крутая гора; вершина горы или сопки’, продуктивный в топонимии [СКНГТ: 83]. В нашем случае он идентичен по семантике русскому метафорическому *non* и, очевидно, является следом предшествующего, карельского названия горы.

Далее пример, который не столь прямолинеен, но и в нем русское и карельское названия смежных объектов поддерживают друг друга. Участок берега Сорокской губы Белого моря к востоку от с. Сальнаволок именуется *Бы́стрым бéрегом*, узкой протокой он отделяется от о-ва *Вóйлуда* (Сальнаволок). Этой протокой, называемой *Рéчкой*, можно пройти «в любую воду», чем и пользуются рыбаки для выхода в море. Именно данным обстоятельством и объясняются истоки топонима *Бы́стрый бéрег*. Надо полагать, что протока, столь важная для местной навигации, породила в свое и время и название о-ва *Вóйлуда* на противоположном берегу, в нем реконструируется приб.-фин. *oja* (с наросшим в ходе русской адаптации инициальным *в-*) или саам. *viia'jj* ‘ручей, речка’ как указание на речку-протоку⁴. В данном случае топонимы *Рéчка* и *Бы́стрый бéрег* послужили своего рода толчком для поиска истоков и одновременно неким критерием верности интерпретации *Вóйлуды*.

⁴Ср. аналогичным образом в русских олонецких говорах *река́* ‘пролив между островами’ [СРНГ 35: 45].

В этом контексте допустимо видеть за *Рёчкой* перевод карельского оригинала *oja* ‘речка, ручей’.

В заключение еще одна связка, которая оказалась принципиально важной для реконструкции этимологии обоих входящих в нее топонимов. Это название р. *Кётъмукса*, впадающей в Сорокскую губу Белого моря, и большого о-ва *Тумище* при ее впадении. Оба загадочны, хотя первое допустимо встраивать в ряд субстратных потапонимов с концовкой *-кса*, а во втором — усматривать суффикс *-ище*, позволяющий ввести его в ряд других поморских названий: угодье *Пёчище* (Шижня), ур. *Станови́ще* (Сорока), зал. *Сётище* (Выгостров), мыс *Мести́ще* и ур. *Пали́ще* (Колежма) и др. Однако если производящие основы последних в целом прозрачны, то для *Тумища* она затемнена. Поиск соответствующего ряда выявил только один топоним — д. *Туми́ще* (Ленингр., Тихв.) на р. Паша. Еще один замечательный пример обнаружился в документе начала XVII в. — описании Шунгской межи, или границ Шунгского погоста, в Северном Обонежье, которое сохранилось в дозорной книге Мины Лыкова от 1619–1620 гг. Насколько мне известно, описание не вошло в известные сборники грамот, актов и других документов, а сама дозорная книга, хранящаяся в [РГАДА], не издана. Документ опубликован в исследовании М. В. Витова о формировании поселенческой сети в Заонежье, искомый фрагмент выглядит следующим образом: «...и тут межа пошла тристяным мхом водоволоком вверх на гору на *тумища* <...> а с *тумищ* межа пойдет водоволоком на Конселгу на северной конец» <выделено мною. — И. М.> [Витов 1962: 175]. Из написания неясно, идет ли речь об апеллятиве или топониме, поскольку употребление заглавных букв не отличалось последовательностью. Однако в любом случае эти два примера — существенная поддержка для поисков этимологических истоков названия поморского о-ва *Тумище*.

Я благодарна В. Л. Васильеву, обратившему мое внимание на этимологию В. А. Меркуловой, которая реконструирует славянский корень **(s) tum-* (с *s-mobile*) в основе укр. *застум* ‘укромное место, пустынное глухое место’, калуж. *затумный* ‘темный, отсталый’ (в выражении *затумный край* ‘захолустный край’), петерб. *затумнеть* ‘замереть’. Он выступает в вариантах глагольных основ **stum-* и **tum-*, анализ которых нуждается, по словам автора статьи, в дополнительных данных [Меркулова 1981: 11–14]. Заманчиво включить в число этих «дополнительных данных» **тумище* как отглагольное производное рассматриваемого корня с формантом *-ище* (по типу олон. *заперти́ще* ‘огороженное для скота место в лесу’ [СРНГ 10: 312], прион. *мочи́ще* ‘водоем, в котором вымачивают лен, коноплю, луб и т. п.’ [СРНГ 18: 319]). В этом ряду *тумище* может рассматриваться как отглагольное имя, обозначавшее глухое

место. Такая интерпретация в принципе согласуется с характеристикой местности в документе XVII в.: это место на «водоволоке», т. е. на водоразделе, иначе говоря, в глуши, в пустынном месте. В принципе идея глухомани могла быть воплощена и в названии тихвинской д. *Тумище*. Она стоит на мысу, образуемом поворотом реки, причем с обратной стороны, т. е. со стороны основания мыса, участок ограничивает р. Падрица, впадающая в р. Паша. Деревня оказывается практически на острове, особенно если учесть, что с юга подступает обширное бол. Большой Мох.

При этом надо принять во внимание, что в семантическое поле однородных по значению лексем, обозначающих глушь (*захолустье*, *зато́чное место* или *затошь*, *зату́ла*), помимо семантики 'глухой угол', входит и 'укромное место, приют, убежище'. Список, приведенный В. А. Меркуловой, дополняют *затайха* и *захованное место* 'глушь, захолустье' как образования от глаголов *затаить* и *заховать* 'спрятать, скрыть' [Березович 2003: 56], в которых семантика прятания первична. Эта семантическая парадигма дает выход на этимологию топонима *Тумище* в Поморье. У местных рыбаков о-в *Тумище* известен тем, что во время шторма на нем можно укрыться, спрятаться. Поморские карбасы укрывались от северо-восточного ветра в расщелине, практически пересекающей весь остров. При высокой воде можно было даже пройти остров насквозь. Именно эта особенность, как представляется, и дала острову название, в котором сохранился утраченный термин **тумище* — здесь, видимо, в семантике 'убежище, приют, укромное место, где можно спрятаться, переждать непогоду'. В этом контексте нельзя пройти мимо отмеченного в [СРНГ 45: 246] глагола *тумить* 'прятать': «Он всегда его тумил в сундук» (Пудож.). В силу эксклюзивности примера слово, может быть, вызывает вопросы. Но оно хорошо встраивается в один ряд с *тумищем* и поддерживает предложенную интерпретацию *тумища* как укромного места.

Еще один сюжет, который поддерживает предложенную интерпретацию и одновременно выводит ее на уровень прибалтийско-финско-русских или саамско-русских связей, связан с упомянутым выше названием р. *Кетьмукса*, вытекающей из оз. *Кетькозеро*. Очевидно, что в названии озера первоначальная топооснова сохранилась в более полном виде, а в речном наименовании произошла редукция -к- внутри топонима на стыке морфем, т. е. первоначальный вид топонима был **Кетькмукса*. Традиционно название озера принято возводить к саам. *kæd'ge*, *kie'ddg* 'камень', т. е. «Каменное озеро». Но в контексте предложенной интерпретации топонима *Тумище* как убежища появляется возможность другого взгляда на истоки гидронимов *Кетькозеро* и *Кетьмукса*: предлагается связывать их с приоб.-фин.-саам. **kätki* 'прятать', которое продолжается в фин. *kätkeä*, *kätkie* 'прятать', саам. *giet'k'ât* 'запеленать

и положить в люльку' [SSA 1: 481], **kētkēm* (*geädhkama*, *kiet'kav*, *kietkam*) 'колыбель' [Lehtiranta 1989: 52–53], ср. приб.-фин. *kätkyt* 'то же'. В современных саамских языках нет (не сохранилась?) первоначальная глагольная функция, развитие получила здесь линия, связанная с «прятанием» ребенка, что, однако, не исключает того, что более широкая, не специализированная семантика прятания все же присутствовала в них в прошлом. Соответственно, топооснова *Кятк-* может иметь и саамские, и карельские корни. Кроме того, и в саамском, и в прибалтийско-финских языках есть суффикс *-muš* (саам.), *-mus/-mys* (приб.-фин.), образующий отглагольные имена (саам. *borrât* 'есть, питаться' > *borrâmuš* 'еда' [Korhonen 1981: 318]; карел. *paisua* 'подниматься (об уровне воды), разливаться' > *paisumus* 'разлив; запруда; заливной луг' [SSA 2: 291]), который в словоизменительных формах сохранил исторический облик *-tukse*. Исходя из этого, для названия р. *Кетьмукса* реконструируется оригинал **Kät(k)e**mykse* 'прятка, укромное, потаенное место', т. е. семантический аналог *Тумища*.

Что за этой ситуацией стоит? Возникли ли эти топонимы самостоятельно и при этом каждый из них был мотивирован приметной и важной для судоходства и рыболовства ландшафтной особенностью острова? Или в речном именовании сохранилась оригинальная саамская или карельская топооснова (**Kät(k)myksen/joki* 'река Кетьмукса'), которая в названии острова была переведена русским соответствием (**Kät(k)mys* или *Kät(k)myksen/suari* 'остров Кетьмукса' → рус. о-в *Тумище*)? Обе возможности реальны, хотя вторая, т. е. метонимическая калька, кажется правдоподобнее как в контексте общей топонимической ситуации на Поморском берегу, где известны и другие случаи такого «двуязычия», так и в связи с полным наложением аналогичным образом выраженной идеи: в обоих случаях перед нами отглагольное имя с семантикой места.

Надо полагать, что, как и в случае с переосмыслением содержания топоосновы с ориентацией на знакомое русское слово, обнаружить метонимические кальки, которые чаще всего внешне полностью совпали с русскими по происхождению названиями, непросто. На самом деле количество тех и других, видимо, значительно больше, чем удастся доказать.

Выводы

Число карельских субстратных названий в топонимии сел Поморского берега сравнительно невелико — всего около 10 % топонимического фонда. При этом в массе своей это именованья относительно крупных и хорошо известных мест. Такая ситуация свидетельствует если не о древности, то все

же о значительном возрасте карельского пласта. С этим хорошо согласуется и широкий ряд географических терминов с карельскими истоками в русском Поморье. В то же время некоторые «сгущения» карельских топонимов, которые наблюдаются, например, в морской топонимии Сумской и Сорокской губы и включают микротопонимию, явно более поздние и возникли как следствие появления здесь в начале XX в. двух карельских анклавов, основанных переселенцами-карелами из Кемского уезда.

«Вживание» карельских топонимов в русскую систему имен происходит в соответствии с известными интеграционными моделями (прямая адаптация, суффиксация, калькирование). Особой разновидностью прямой адаптации, т. е. усвоения звуковой стороны топонима, может считаться ремотивация по типу народной этимологии. Последняя «подправляет» звуковой облик субстратной топоосновы, сближая его со знакомым русским словом и сопровождая соответствующей мотивировкой. Наряду с окказиональными, спонтанными мотивациями бытует переосмысление внутренней формы в русле устойчивых топонимических преданий (ср. *Немецкая Щелья*). Выявленные в ходе экспедиции убедительные примеры переработки топонимов дают основания полагать, что процесс ремотивации носил более широкий характер, чем обычно принято считать. Распознать такие случаи непросто.

В ситуации завершившегося перехода на русский язык непросто распознать и переведенные топонимы. Определенные возможности дает картографирование с анализом взаимного расположения топонимов, позволяющее выявить метонимические кальки. В ходе их анализа удалось уточнить этимологию некоторых топонимов, а также выйти на утраченный архаический русский термин *тумище* ‘убежище, прятка, приют’, восходящий к славянской глагольной основе **(s)tum-*.

Взаимодействие топонимических систем — многоэтапный и многоаспектный процесс. Приведенные сюжеты не покрывают, конечно, всю палитру карельско-русского взаимодействия на Поморском берегу. Однако они важны как свидетельство механизмов угасания карельской составляющей в здешней топонимии.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

калуж.	калужские говоры русского языка	приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
новг.	новгородские говоры русского языка	прион.	прионежские говоры русского языка
олон.	олонецкие говоры русского языка	саам.	саамский язык
петерб.	петербургские говоры русского языка	ск.	собственно карельское наречие карельского языка

В названиях административно-территориальных единиц

Ленингр.	Ленинградская область	Тихв.	Тихвинский район
Пудож.	Пудожский район Республики Карелия		Ленинградской области

В названиях географических объектов

пок.	покос
------	-------

Источники

- Балашов 1970 — Сказки Терского Берега / изд. подгот. Д. М. Балашов. Л. : Наука, 1970.
- КТК — научная картотека топонимов Карелии и сопредельных областей (хранится в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск).
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под общ. ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.
- СКНГТ — Кузьмин Д. В. Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск : Периодика, 2020.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965—. Вып. 1—.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki : SUS, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XVI).

Исследования

- Березович Е. Л. К языковому портрету русского «захолустья» // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 4 / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 47–59.
- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: мифопоэтический образ пространства. М. : КомКнига, 2010.
- Березович Е. Л. К реконструкции образа германского мира в языковом сознании архангельских поморов // Антропологический форум. 2019. № 42. С. 174–212. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2019-15-42-174-212>
- Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв.: Из истории сельских поселений. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1962.
- Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии XVII в. Великий Новгород : НГУ им. Ярослава Мудрого, 2003.
- Кузьмин Д. В. История освоения Карельского Поморья (в свете языковых данных) // *Linguistica Uralica*. 2016. Т. 52, № 3. С. 179–194. <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2016.3.03>

- Меркулова В. А. Восточнославянские этимологии. I // Этимология 1979 / под ред. Ж. Ж. Варбот и др. М. : Наука, 1981. С. 3–14.
- Мызников С. А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021.
- РДЭС — Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.
- Синица Н. А. Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2018.
- Álgu: Saamelaiskielten etymologinen tietokanta / Kotimaisten kielten keskus. URL: <http://kaino.kotus.fi/algui/index.php> (дата обращения: 30.04.2024).
- Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1981.
- Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; 200).
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia ; 556).

References

- Álgu: Saamelaiskielten etymologinen tietokanta / Kotimaisten kielten keskus. Retrieved from <http://kaino.kotus.fi/algui/index.php>
- Berezovich, E. L. (2003). K iazykovomu portretu russkogo “zakholust’ia” [Towards a Linguistic Portrait of the Russian “Backwoods”]. In M. E. Rut (Ed.), *Onomastika i dialektnaia leksika* [Onomastics and Dialectal Vocabulary] (Iss. 4, pp. 47–59). Ekaterinburg: Ural University Press.
- Berezovich, E. L. (2010). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte: mifopoeticheskii obraz prostranstva* [Russian Toponymy in the Ethnolinguistic Aspect: Mythopoetic Image of Space]. Moscow: KomKniga.
- Berezovich, E. L. (2019). K rekonstruktsii obraza germanskogo mira v iazykovom soznanii arkhangel’skikh pomorov [Towards the Reconstruction of the Image of the Germanic World in the Linguistic Consciousness of the Arkhangelsk Pomors]. *Antropologicheskii forum*, 42, 174–212. <https://doi:10.31250/1815-8870-2019-15-42-174-212>
- Itkonen, E., & Kulonen, U.-M. (Eds.). (1992–2000). *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja* (Vols. 1–3). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Korhonen, M. (1981). *Johdatus lapin kielen historiaan*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Kuzmin, D. V. (2016). Istoriia osvoeniia Karel’skogo Pomor’ia (v svete iazykovykh dannykh) [History of the Development of Karelian Pomorye (in Light of Linguistic Data)]. *Linguistica Uralica*, 52(3), 179–194. <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2016.3.03>
- Lehtiranta, J. (1989). *Yhteissaamelainen sanasto*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Merkulova, V. A. (1981). Vostochnoslavjanskije etimologii. I [East Slavic Etymologies. 1]. In Zh. Zh. Varbot et al. (Eds.), *Etimologija 1979* [Etymology 1979] (pp. 3–14). Moscow: Nauka.
- Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar’. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian Dialect Etymological Dictionary. Contact Regions Vocabulary]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Myznikov, S. A. (2021). *Russkie govory Belomor’ia v kontekste etnoiazykovogo vzaimodeistviia: opyt kompleksnogo issledovaniia* [Russian Dialects of the White Sea Region in the Context of Ethnolinguistic Interaction: Towards a Comprehensive Study]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

- Sinitsa, N. A. (2018). *Portretirovanie kak metodika etnolingvистических issledovaniy (na materiale obrazov sviashchenosluzhitelei v slavianskikh iazykakh)* [Portraiture as a Method of Ethnolinguistic Research (Based on Images of Clergymen in Slavic Languages)] (Doctoral dissertation abstract). Ural Federal University, Ekaterinburg.
- Vitov, M. V. (1962). *Istoriko-geograficheskie ocherki Zaonezh'ia XVI–XVII vv.: Iz istorii sel'skikh poselenii* [Historical and Geographical Essays on Zaonezhye in the 16th–17th Centuries: From the History of Rural Settlements]. Moscow: Moscow University Press.
- Zhukov, A. Yu. (2003). *Upravlenie i samoupravlenie v Karelii XVII v.* [Government and Self-government in Karelia of the 19th Century]. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.